

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2026, Том 17, № 2 / 2026, Vol. 17, Iss. 2 <https://sfk-mn.ru/issue-2-2026.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/07FLSK226.pdf>

DOI: 10.15862/07FLSK226 (<https://doi.org/10.15862/07FLSK226>)

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Курганова, М. С. Роль категорий модальности, темпоральности и залога в обеспечении эквивалентности аутентичных текстов международного договора (на примере Стокгольмской конвенции о стойких органических загрязнителях 2001 г.) / М. С. Курганова // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2026. — Т. 17. — № 2. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/07FLSK226.pdf>. DOI: 10.15862/07FLSK226.

For citation:

Kurganova M.S. The role of modality, temporality, and voice in achieving equivalence across authentic texts of 2001 Stockholm convention. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2026;17(2): 07FLSK226. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/07FLSK226.pdf>. DOI: 10.15862/07FLSK226. (In Russ., abstract in Eng.).

УДК 811.111

Курганова Маргарита Сергеевна

ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации», Москва, Россия

Соискатель ученой степени кандидата наук

E-mail: kurganova-margarita@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-8824-1887>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=1253496

**Роль категорий модальности,
темпоральности и залога в обеспечении эквивалентности
аутентичных текстов международного договора (на
примере Стокгольмской конвенции о стойких
органических загрязнителях 2001 г.)**

Аннотация. В статье представлен сопоставительный анализ ключевых грамматических категорий в текстах международных нормативно-правовых документов на примере Стокгольмской конвенции по стойким органическим загрязнителям на русском, английском и французском языках. Цель исследования состоит в комплексном определении роли категорий модальности, темпоральности и залога в конструировании объективной юридической реальности в разноязычных текстах и их влияния на достижение функциональной эквивалентности правовых норм. Для достижения поставленной цели в аутентичных текстах документа на трех языках были выявлены и описаны грамматические конструкции, репрезентирующие указанные категории. На основе лингвистического анализа в тексте документа определены лексико-грамматические средства, актуализирующие значения долженствования, временной отнесенности и залоговых отношений. В рамках сравнительно-сопоставительного анализа трех текстов Конвенции предпринята попытка достоверно установить степень их функциональной эквивалентности, определить специфические способы выражения модальных, темпоральных и залоговых значений в тексте на каждом из рассматриваемых языков, а также определить роль выявленных грамматических асимметрий в создании единого, непротиворечивого юридического смысла. Результаты исследования систематизированы и представлены в виде таблиц; их практическая значимость заключается в возможности эффективного использования в рамках теоретических

и практических занятий по юридическому и общественно-политическому переводу, теории межкультурной коммуникации, а также при изучении английского и французского языков в сфере международного права.

Ключевые слова: юридический дискурс; сопоставительный анализ; модальность долженствования; темпоральность; категория залога; функциональная эквивалентность; когнитивная лингвистика

Введение

В эпоху глобализации вызовов и угроз исследование современного международно-правового дискурса, особенно в сфере экологии, требует рассмотрения основополагающих международных документов как результата активного взаимодействия участников международного общения [1]. В этом ключе особый интерес представляет сопоставительный анализ грамматических категорий, которые, наряду с лексическим наполнением, лежат в основе конструирования правовой реальности [2] в разноразличных версиях одного и того же соглашения. Одним из таких документов является Стокгольмская конвенция по стойким органическим загрязнителям (2001 г.), направленная на охрану здоровья человека и защиту окружающей среды от воздействия опасных химических веществ.

Анализ грамматических категорий темпоральности, залога и модальности в аутентичных текстах Конвенции представляется актуальным, поскольку позволяет выявить глубинные когнитивные механизмы, лежащие в основе семиотических процессов, связанных с формированием юридического смысла. Такое исследование дает возможность сделать выводы о том, как через выбор грамматических средств в разных языках конструируются и по-разному акцентируются такие ключевые правовые концепты, как *обязательство*, *рекомендация*, *ответственность* и временная перспектива действия правовых норм.

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы выявить и проанализировать лексико-грамматические особенности в выражении категорий модальности, темпоральности и залога в аутентичных текстах Стокгольмской конвенции и с опорой на базовые принципы биокогнитивного подхода продемонстрировать, каким образом вариативность гарантирует достижение функциональной эквивалентности этих текстов.

Для достижения поставленной цели решены следующие **задачи**:

- проанализировать способы выражения модальности долженствования (строгого обязательства и рекомендации);
- изучить особенности темпоральной организации текстов, уделив особое внимание роли «вневременного» настоящего и способам концептуализации будущих действий;
- рассмотреть функционирование категории залога как механизма смещения фокуса внимания и управления перспективой;
- обобщить полученные данные для подтверждения тезиса о том, что лексико-грамматическая вариативность является не препятствием, а функциональным инструментом, позволяющим достичь прагматической и юридической эквивалентности документа через уникальные для каждого языка средства.

Материалы и методы исследования

Материалом для настоящего исследования послужили аутентичные тексты Стокгольмской конвенции по стойким органическим загрязнителям, аутентичность которых установлена на русском, английском и французском языках.

Выбор грамматических конструкций, актуализирующих категории модальности, залога и темпоральности, проводился с использованием метода сплошной выборки. Для определения частотности и распределения различных грамматических моделей был применен количественный анализ. Определение степени семантико-прагматической эквивалентности и выявление структурных асимметрий в разноязычных текстах документа осуществлялось с помощью сравнительно-сопоставительного анализа с опорой на принципы биокогнитивного подхода.

Результаты и обсуждение

Анализ международного соглашения, аутентичные версии которого составлены на нескольких языках, требует выхода за рамки формального сопоставления лексики и грамматических структур. В настоящей работе, следуя принципам, лежащим в основе биокогнитивного подхода в современном языкознании (У. Матурана, А.Я. Каплан, А.В. Кравченко), язык рассматривается не как «код», а как (биологически обусловленная) адаптивная деятельность, главной функцией которой является оказание ориентирующего воздействия с целью управления физической и социокультурной средой [3–5].

С этой точки зрения грамматические категории представляют собой когнитивные механизмы, которые конструируют реальность в сознании носителей разных языков разными способами, но с идентичным результатом. Для юридических текстов характерна высокая степень стандартизации, что проявляется в использовании устойчивых формул и клише, которые выполняют роль своеобразных сигналов, указывающих на юридическую природу текста и облегчающих его восприятие специалистами [6], следовательно, категории темпоральности, залога и модальности становятся ключевыми для анализа, ведь они напрямую отражают то, как осмысляется и структурируется правовая действительность. Сопоставительный анализ этих трех категорий в текстах Стокгольмской конвенции позволяет вскрыть глубинные различия в способах концептуализации правовых норм. Выбор грамматической конструкции для выражения обязательства или описания процедуры — это не стилистическая случайность, а отражение устоявшихся в культуре способов осмысления таких понятий, как долг, ответственность и временная перспектива. Настоящее исследование направлено на выявление этих асимметрий и демонстрацию того, как разные языки, используя уникальные для каждого из них лексико-грамматические средства, конструируют единую юридическую реальность.

Модальность строгого обязательства и рекомендации

В текстах Стокгольмской конвенции для выражения модальности долженствования преимущественно используется межъязыковое соответствие, при котором глагол в настоящем времени в русском тексте соответствует конструкции *shall* + инфинитив в английском и формами настоящего времени (*Présentdel'indicatif*) во французском (116 случаев).

Однако встречаются и варианты асимметричного выражения модальности. Так, в ряде случаев для усиления модального значения во французском тексте вместо *Présentdel'indicatif* применяется конструкция *devoir* (в изъявительном наклонении) + инфинитив (6 случаев), как, например, в статье 3.2:

«Такой сертификат **определяет** предполагаемое использование химического вещества и **включает** заявление...»

— *Such certification shall specify the intended use of the chemical and include a statement...*

— *Cette certification doit préciser l'utilisation prévue de la substance chimique et comprendre une déclaration...*

Хотя все три варианта эквивалентны в установлении категоричного обязательства, на прагматическом уровне наблюдается расхождение: французский текст за счет более эксплицитного маркера модальности [7] оказывает более сильное воздействие на реципиента.

Другой распространенной моделью является соответствие русского *должен* французскому *Présent de l'indicatif* при сохранении *shall* в английском тексте (5 случаев), что иллюстрирует пример из Приложения В, Часть II:

«Производство и применение ДДТ должно быть прекращено...»

— *The production and use of DDT shall be eliminated...*

— *La production et l'utilisation du DDT sont éliminées...*

Для выражения долженствования лексические средства применяются наряду с грамматическими. Конструкции с глаголами *обязываться* / *undertake (to)* / *s'engager (à)* (ст. 13.1) демонстрируют высокую степень структурной и семантической эквивалентности между языками:

«Каждая Сторона **обязуется оказывать**, в рамках своих возможностей, финансовую поддержку и содействие...»

— *Each Party undertakes to provide, within its capabilities, financial support and incentives...*

— *Chaque Parties s'engage à fournir, dans la mesure de ses moyens, un appui et des incitations d'ordre financier...*

В настоящем примере наблюдается высокая степень структурной и семантической эквивалентности, а способ выражения долженствования представляет собой перформативный акт, что подчеркивает субъектность и активную роль сторон в создании правового режима Конвенции.

При более широком контекстуальном анализе выявляются случаи прагматического усиления в русскоязычной версии. Так, если для принятия решения Конференцией Сторон необходима определенная информация, то рекомендация по ее предоставлению функционально становится требованием. Невыполнение этого имплицитного условия делает невозможной реализацию основного обязательства. В тексте на русском языке это логически необходимое условие зачастую выражается эксплицитно, что конструирует ситуацию как безальтернативную [8]. В то же время тексты на английском и французском языках, являясь результатом иного опыта взаимодействия со средой, формируют иные когнитивные ориентиры, оставляя реципиенту пространство для выбора.

Однозначный рекомендательный характер положений выражен в русском варианте модальными конструкциями *следует* + инфинитив и *должен* + инфинитив. В английском и французском текстах им соответствуют конструкции *should* + инфинитив и *devoir* (в условном наклонении) + инфинитив. Обратимся к рассмотрению примеров из статей 13.2 и преамбулы документа:

«...Кроме того, **следует поощрять** взносы из других источников».

— *...Contributions from other sources should also be encouraged.*

— *...Les contributions d'autres sources devraient également être encouragées.*

«...национальные власти **должны стремиться** содействовать интернализации экологических издержек...»

— *...national authorities should endeavour to promote the internalization of environmental costs...*

— *...les autorités nationales devraient s'efforcer de promouvoir l'internalisation des coûts...*

Положение статьи 13.2, как и преамбула, имеет рекомендательный характер. Однако в русском тексте используются разные средства, что на примере преамбулы демонстрирует семантическую гибкость краткого прилагательного *должен*. В отличие от четкого разграничения *shall* (обязательство) / *should* (рекомендация) [9] в английском или *doit/devrait* во французском, русское *должен* может передавать оба значения. Устранение данной неоднозначности в конкретном случае достигается исключительно путем сопоставительного анализа с аутентичными текстами. Вместе с тем данный фрагмент является цитатой из Принципа 16 Декларации Рио-де-Жанейро 1992 года, и выбор лексемы *должен* в большей степени гармонирует с декларативным характером документа, провозглашающего фундаментальные ценности.

Ниже представлены способы выражения модальности в текстах на трех языках (табл. 1).

Таблица 1

Способы выражения модальности в Стокгольмской конвенции

RU	EN	FR	Итого
Настоящее время	shall + инфинитив	Présentdel'indicatif	116
Настоящее время	shall + инфинитив	Devoir (в изъявительном наклонении + инфинитив)	8
следует + инфинитив	should + инфинитив	devoir (в условном накл.) + инфинитив	6
должен + инфинитив	should + инфинитив	devoir (в условном накл.) + инфинитив	2
должен + инфинитив	shall + инфинитив	Devoir (в изъявительном наклонении + инфинитив)	1
должен + инфинитив	shall + инфинитив	Présentdel'indicatif	5
обязуется + инфинитив	undertakesto + infinitive	S'engage à + infinitif	1
необходимо + инфинитив	needfor / necessaryto	il estnécessaire de / nécessité de	4

Разработано автором

Проведенный анализ показывает, что при прагматической и функциональной эквивалентности положений Конвенции, выявленные асимметрии в выражении модальности являются следствием различных способов концептуализации правовой реальности в сопоставляемых языковых картинах мира [10].

Основным инструментом для установления строгой, юридически обязывающей нормы является соответствие: глагол в настоящем времени в русском тексте, конструкция *shall* + инфинитив в английском и *présentde l'indicatif* во французском. Оно является наиболее частотным (116 случаев), что свидетельствует о наличии устоявшегося межъязыкового стандарта для кодификации категорических предписаний [11; 12]. Ввиду семантической гибкости русского краткого прилагательного с модальным значением *должен*, его значение может быть однозначно определено через анализ более широкого контекста в рамках документа.

Категория залога

В преамбуле Конвенции говорится о воздействии стойких органических загрязнителей (СОЗ) на человека. В тексте на русском языке с этой целью используется страдательный залог, выраженный кратким страдательным причастием:

«...осознавая наличие обеспокоенности [...] в связи с тем, что местное население **подвержено** воздействию...»

В английском и французском вариантах для этой цели служат существительные *exposure* и *exposition*. Хотя семантически они несут пассивное значение, грамматически фраза оформлена в рамках действительного залога:

— *Conscientes des préoccupations [...] suscitées par l'exposition au niveau local à...*

— *Aware of [...] concerns [...] resulting from local exposure to...*

Схожая асимметрия наблюдается в статье 2 b) при определении статуса участников. Для обозначения передачи полномочий в русском тексте используется пассив:

«...региональная организация экономической интеграции» означает организацию, [...], которой ее государствами-членами **поручено** заниматься вопросами, регулируемые настоящей Конвенцией...»

В английском и французском текстах используются формы действительного залога. Таким образом, в русскоязычной версии акцент смещен на получение полномочий организацией, в то время как в английской и французской версиях подчеркивается сам акт передачи этих полномочий государствами:

— *...Regional economic integration organization means an organization [...] to which its member States have transferred competence in respect of matters governed by this Convention...*

— *...Organisation régionale d'intégration économique s'entend d'une organisation [...] à laquelle ses États membres ont transféré leurs compétences sur les questions régies par la présente Convention...*

Несмотря на грамматические различия, все три варианта имеют одинаковый смысл: смещается внимание с агенса и переносится на процесс обзора. В рамках текста международного документа роль залога сводится к деперсонализации и объективации. Наличие структурной вариативности свидетельствует о том, что в процессе актуализации смысла текста средствами разных языков приоритет отдается семантико-прагматической эквивалентности, а не формально-грамматической.

Процентное соотношение форм действительного и страдательного залога в тексте Стокгольмской конвенции по стойким органическим загрязнителям может быть представлено следующим образом (табл. 2):

Таблица 2

Соотношение страдательного и действительного залога в Стокгольмской конвенции

	RU	EN	FR
Действительный залог	60,8 %	64,9 %	65,4 %
Страдательный залог	39,2 %	35,1 %	34,6 %

Разработано автором

Категория темпоральности

Темпоральная организация текста Конвенции характеризуется доминированием форм настоящего времени, которые выполняют две ключевые юридические функции: прескриптивную (установление норм) и констатирующую (определение понятий и фиксация фактов в статусе «вневременной истины»). Последняя функция иллюстрируется определением термина «Сторона» в статье 2:

«“Сторона” означает государство...»

— ‘Party’ means a State...

— ‘Partie’ s’entend d’un État...

Для отсылки к событиям в прошлом, имеющим юридическую значимость в настоящем, применяются видовременные формы, являющиеся семантическими эквивалентами (13 случаев). Примечательно, что в английской версии последовательно употреблен не *Past Simple*, а *Present Perfect*. Этот выбор обусловлен необходимостью акцентировать не само действие в прошлом,

а его актуальный для настоящего результат, создающий правовую основу.¹ Данной английской конструкции во всех случаях соответствуют прошедшее время совершенного вида в русском языке и *Passé composé* во французском, как, например, в преамбуле документа:

— *The Parties... Have agreed as follows...*

«Стороны... договорились о нижеследующем...»

— *Les Parties... Sont convenues de ce qui suit...*

Использование форм будущего времени носит ограниченный характер (5 случаев в русской версии) и служит для обозначения конкретных процедурных шагов. В большинстве же случаев для описания будущих действий применяется прескриптивное настоящее [13]. Выявленные грамматические асимметрии в актуализации предстоящих событий требуют рассмотрения с позиций биокогнитивного подхода. В статье 18, пункт 6, русское выражение «приложение, которое будет утверждено» симметрично выражено в тексте на французском языке через *Futur simple* (*une annexe que la Conférence des Parties adoptera*), но в английском ей соответствует инфинитивная конструкция (*an annex to be adopted*). Аналогично в статье 19.2 русскому сочетанию «с периодичностью, которую установит Конференция» соответствуют неличные формы *at regular intervals to be decided* и *à des intervalles réguliers à décider*. В таких случаях концепт будущности конструируется ресурсами языка в зависимости от перспективы наблюдателя [14]. В русскоязычном тексте используется форма простого будущего времени, которая с когнитивной точки зрения является настоящим временем глагола совершенного вида; целостное, результативное действие, «не помещающееся» в момент речи, проецируется в будущее. В английском языке, где морфологическая категория будущего времени отсутствует и *shall* несет модальное значение, для избежания излишней императивности используется инфинитивная конструкция (*to be decided*). Инфинитив представляет действие как обобщенное понятие, а частица *to* задает вектор к его потенциальной реализации.

Выводы

Проведенный сопоставительный анализ аутентичных текстов Стокгольмской конвенции на русском, английском и французском языках позволяет сделать вывод о достижении функциональной эквивалентности документа, несмотря на вариативность [15] используемых лексико-грамматических средств. Выявленные случаи грамматической асимметрии не нарушают инвариантного содержания² текста документа (рассматриваемого как сверхсложный знак, регулирующий поведение подписанта в правовой реальности), а, напротив, демонстрируют гибкость языковых систем.

Установлено, что для выражения модальности строгого обязательства доминирующим является межъязыковая модель, основанная на соответствии глагола в настоящем времени в русском тексте, конструкции *shall* + инфинитив в английском и *Présent de l'indicatif* во французском. При этом асимметричные случаи, такие как использование *devoir* во французском тексте или семантическая неопределенность русского *должен*, подтверждают тезис о вариативности средств при сохранении общего прагматического содержания. В темпоральном плане конструирование правовой реальности осуществляется преимущественно через «вневременное»

¹ Garner, B.A. *Garner's Dictionary of Legal Usage* / B.A. Garner. — 3rd ed. — New York: Oxford University Press, 2011. — 991 p. — URL: <https://books.google.com/books?id=O1m1bl5vCooC&printsec=frontcover#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 09.04.2026).

² Черняховская, Л.А. Информационный инвариант смысла текста и вариативность его языковых выражений / Л.А. Черняховская. — 2-е изд., перераб. — Москва: Флинта, 2022. — 384 с. — EDN NPLCSF.

настоящее, выполняющее как прескриптивную функцию установления норм, так и констатирующую — для придания фактам и определениям статуса непреложной истины.

Анализ категории залога, в свою очередь, показал, что ее роль в юридическом дискурсе сводится к управлению фокусом внимания, способствуя деперсонализации и объективации изложения. Различия в использовании действительных и страдательных конструкций в трех языках для описания идентичных ситуаций служат еще одним подтверждением того, что приоритет отдается семантико-прагматической цели, а не формально-грамматическому тождеству.

ЛИТЕРАТУРА

1. Медведева, М.С. Употребление и способы перевода модальных глаголов в юридических текстах / М.С. Медведева // Гуманитарные и социальные науки. — 2014. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upotreblenie-i-sposoby-perevoda-modalnyh-glagolov-v-yuridicheskikh-tekstah> (дата обращения: 09.04.2026).
2. Druzhinin, A. Biology of modeling: revisiting Humberto Maturana's philosophy / A. Druzhinin. — DOI 10.1515/css-2025-2009. // Chinese Semiotic Studies. — 2025. — Vol. 21, no. 2. — P. 173–191.
3. Каплан, А.Я. Мы — это больше, чем наш мозг: в поисках субъективного начала / А.Я. Каплан. — DOI 10.24411/2541-9587-2019-10013. // Теология и современные исследования сознания. — 2019. — № 2(4). — С. 25–34.
4. Кравченко, А.В. Когнитивный горизонт языкознания / А.В. Кравченко. — Иркутск: Издательство БГУЭП, 2008. — 320 с. — URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004422345>. (дата обращения: 09.04.2026).
5. Матурана, У. Дерево познания: Биологические корни человеческого понимания / У. Матурана, Ф. Варела; перевод с английского Ю.А. Данилова. — 2-е изд., доп. — Москва: УРСС: ЛЕНАНД, 2019. — 320 с. — URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01010114722> (дата обращения: 09.04.2026).
6. Биленко, Ж.Л. Лексико-грамматические и стилистические особенности англоязычных документов / Ж.Л. Биленко. // Вестник ХНАДУ. — 2007. — № 39. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksiko-grammaticheskie-i-stilisticheskie-osobennosti-angloyazychnyh-dokumentov> (дата обращения: 10.04.2026).
7. Мочалов, К.С. О структуре и функциональной роли настоящего времени в языковых знаковых системах (на основе концепции французского лингвиста Г. Гийома) / К.С. Мочалов. // Мир науки, культуры, образования. — 2013. — № 6(43). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-strukture-i-funksionalnoy-rol-i-nastoyaschego-vremeni-v-yazykovyh-znakovyh-sistemah-na-osnove-kontseptsii-frantsuzskogo-lingvista-g> (дата обращения: 09.04.2026).
8. Голев, Н.Д. Юрислингвистическая экспертиза на стыке языка и права / Н.Д. Голев, О.Н. Матвеева. // Сибирский филологический журнал. — 2003. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yurisljngvisticheskaya-ekspertiza-na-styke-yazyka-i-prava> (дата обращения: 09.04.2026).
9. Новиков, Д.Н. Семантика модальных глаголов shall и should в современном английском языке: прототипический подход / Д.Н. Новиков, Н.О. Катаева. — DOI 10.24833/2410-2423-2018-1-13-38-45. // Филологические науки в МГИМО. — 2018. — № 1(13). — С. 38–45. (дата обращения: 09.04.2026).

10. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон; перевод с английского. — Стереотип. изд. — Москва: URSS, 2023. — 256 с. — URL: <https://codenlp.ru/books/lakoff.pdf> (дата обращения: 09.04.2026).
11. Алонцева, Н.В. Текстовые и языковые нормы официально-деловых документов / Н.В. Алонцева, С.Б. Томашевич. — Текст: электронный // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. — 2012. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tekstovye-i-yazykovye-normy-ofitsialno-delovyh-dokumentov> (дата обращения: 09.04.2026).
12. Kuner, С.В. The Interpretation of Multilingual Treaties: Comparison of Texts versus the Presumption of Similar Meaning / С.В. Kuner. — DOI 10.1093/iclqaj/40.4.953. // International and Comparative Law Quarterly. — 1991. — Т. 40, №. 4. — С. 953–964. (дата обращения: 09.04.2026).
13. Бондарко, А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А.В. Бондарко. — 4-е изд. — Москва: URSS, 2007. — 206 с. — EDN QQPQBF. (дата обращения: 09.04.2026).
14. Жулина, Е.Б. Present Perfect Progressive Tense. Когнитивный анализ / Е.Б. Жулина. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 9-1(63). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/present-perfect-progressive-tense-kognitivnyy-analiz> (дата обращения: 09.04.2026).
15. Олейник, А.Ю. Категории «язык» и «смысл», «вариативность» и «инвариант» в деятельности переводчика / А.Ю. Олейник // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. — 2014. — № 5(32). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategorii-yazyk-i-smysl-variativnost-i-invariant-v-deyatelnosti-perevodchika> (дата обращения: 10.04.2026).

Kurganova Margarita Sergeevna

MGIMO University, Moscow, Russia

E-mail: kurganova-margarita@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-8824-1887>

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=1253496

The role of modality, temporality, and voice in achieving equivalence across authentic texts of 2001 Stockholm convention

Abstract. This article presents a comparative analysis of key grammatical categories in the texts of international normative legal documents, based on the example of the Stockholm Convention on Persistent Organic Pollutants in Russian, English, and French. The aim of the research is to comprehensively determine the role of the categories of modality, temporality, and voice in constructing an objective legal reality in multilingual texts, as well as their impact on achieving the functional equivalence of legal norms. To achieve this goal, grammatical constructions representing the aforementioned categories were identified and described in the authentic texts of the document across the three languages. Based on a linguistic analysis of the document's text, the lexico-grammatical means expressing the meanings of obligation, temporal reference, and voice relations were determined. As part of a comparative analysis of the three texts of the Convention, an attempt was made to accurately establish the degree of their functional equivalence, identify the specific ways of expressing modal, temporal, and voice meanings in each of the languages under consideration, and determine the role of the identified grammatical asymmetries in creating a unified and consistent legal meaning. The research results are systematized and presented in tabular form. Their practical significance lies in the possibility of their effective application in theoretical and practical courses on legal and sociopolitical translation, and intercultural communication theory; they will also provide relevant material in the profession-oriented study of English and French in the field of international law.

Keywords: legal discourse; comparative analysis; deontic modality; temporality; functional equivalence; cognitive linguistics